

Галина Сергеевна Бискэ (Малыгина).

Моя мама родилась в Петрограде во время Февральской революции. Дальше я буду называть ее - Галина Сергеевна, потому что здесь не совсем семейные воспоминания.

Социальное происхождение – из рабочих. Вернее сказать, дед был сам из семьи торговца, перебравшейся из Ярославской губернии в Петербургский пригород, но его сын (как будто, единственный) во время мировой войны поступил рабочим на Сестрорецкий оружейный завод. А бабушка родилась там же в финско-шведской семье, скорее мещанского сословия. С точки зрения родителей деда, это был немножко мезальянс. Но в результате получилась вполне нормальная городская смесь северо-запада поздней Российской империи. Похвастаться дворянским происхождением или, в дальнейшем, близким родством с репрессированными Г.С. не могла, да собственно и не дожидая до тех времен, когда это стало комильфо. Вся ее активная жизнь – как раз советское время.

При любом повороте истории XX века Россия должна была бы модернизироваться, так что поколение образованных людей в 20-30-е годы расширилось бы в любом случае, вобрав в себя выходцев из низовой среды. Однако реально возникшая власть педалировала модернизацию, не ставила ее в зависимость от получения прибыли крупными корпорациями, наконец – приняла решительные меры к резкому росту народного образования. В результате, если моя бабушка окончила четыре класса церковно-приходской школы, то мама – Ленинградский университет.

Сначала в школе проводились эксперименты: например, бригадный метод, то есть коллективное изучение материала, после которого вся бригада получала зачет. Отметок сначала не было. Обязательная помощь отличников и «ударников» учебы отстающим сохранилась еще и в послевоенные годы. Хороший был обычай, хотя и вырождавшийся в списывание. В школе и дома было весело, «у Галки всегда целая свадьба народу» (бабушка была хоть и не отшельницей по натуре, но во многом противоположностью своей дочери). Охота быть заводилой в коллективе проявилась рано.

Бабушка очень хотела дать дочери высшее образование, раз появилась и сильно расширилась такая возможность. Для этого перебрались в Ленинград. Почему Галя Малыгина поступила именно в Университет на геолого-географический факультет? Ей нравилась география и путешествия, к тому же эпоха географических (!) открытий для нас все еще не окончилась и оставалась заманчивой, а для геологических открытий она только по существу начиналась. Студенты учились уже в традиционной университетской манере, слушали лекции старых профессоров, при этом занимались комсомольской работой. Г.С. обнаружила у себя педагогические способности и преподавала географию в школе для взрослых. Потом рассказывала, как один из ее учеников назвал известного португальского мореплавателя – «Васька Дегама».

Дальше было раннее замужество. Ребенок между госэкзаменами. Поскольку муж был однокурсник, сам без жилплощади, то жили на Сызранской 20 кв. 34 в коридорном общежитии (снесли в 60-е) в одной комнате с родителями и в последнюю зиму перед войной – уже с двумя младенцами. Благополучной семейной жизни это не способствует.

Ну и затем – война. Отец мой к 22 июня был на Урале, на полевых работах. Эвакуироваться лучше всего туда. Началось время, когда Г.С. оказалась главой семьи из трех женщин и двоих маленьких детей, это не считая решительно купленной и приведенной коровы, а в дальнейшем и кур, на станции Пашия Молотовской области. Конечно, о полевой профессиональной работе на время пришлось забыть и поступить учительницей в железнодорожную школу, а по железной дороге шли эшелоны на фронт и был рабочий паек. Дети хотя и болели (особенно я), но на домашнем молоке с помощью упомянутого пайка все же выросли.

Когда я отошел от воспалений легких, мой ранний и, похоже, наследственный интерес к естествознанию проявился в изучении сначала картинок в «Зоологии беспозвоночных» Огнева (кажется, университетский учебник родителей). Затем я рассматривал школьные анатомические таблицы: Г.С. учила старший 4 класс и преподавала там все, включая основы естествознания. Потом насекомые по Фабру и минералы по Ферсману. Это все связано с книгами, которые были дома. Как-то незаметно сам собой научился читать. Детективов, бытовых романов, компьютерных игр и пр. не было. Разумеется, и никакого православия. Темными морозными вечерами играли при керосиновой лампе в подкидного дурака картами, которые мама же и нарисовала. Ждали писем из Ленинграда от дедушки (он всю блокаду проработал в Райсовете Московского района города, т.е. почти на линии фронта) и, конечно, – снятия блокады.

Она умела рисовать людей и нам с сестрой рисовала фигурки героев из книг, с которыми очень интересно было потом играть. Например, из Дюма. Еще в молодости любила петь, у нее был хороший голос и слух, в студенчестве ходила в хор, участвовала в постановках студенческого театра (даже пела партию графини в «Пиковой даме» П.И. Чайковского). На всех общих праздниках у нас пели за столом и без него.

Один раз попало от нее планшеточным ремнем, когда я подговорил сестру выкупать тряпичных кукол в бочке с питьевой водой, которую мама ведрами натаскала снизу из колодца. Больше, конечно, было шуму.

Дальше было недельное путешествие в товарном вагоне домой, в Ленинград, где еще не снято было затемнение от воздушной угрозы, светили редкие синие лампочки в подъездах и все кругом усеяно разбитым кирпичом, вместе с остатками довоенного быта. С 45 года родителей я почти не видел. Они всегда в поле. Первый послевоенный сезон Г.С. провела на Карельском перешейке в отряде, который мог продвигаться только вместе с минерами. Дальше работа в Ленгидэпе, это четвертичная съемка под сооружения. Потом пыльцевая лаборатория ВСЕГЕИ. С 47 года – Петрозаводск и Сайнаволок.

Карело-Финская база Академии Наук СССР, пр. Урицкого 92: по этому адресу я написал много писем. Потом это был Филиал Академии Наук, или просто филиал. С тех лет остался в памяти молодой коллектив геологов: Кауко Кратц, дядя Коля Демидов, Ира Сафонова, уже позже Гарри Лак и Вл. Соколов, Вильям Робонен, Ольга Рийконен. Одному лишь П.А. Борисову много лет, но он руководит сектором геологии скорее дистанционно из Ленинграда, по совместительству. Вокруг все деревянное, включая столовую через проспект и туалет во дворе. Сектор геологии в двух комнатах. Народ живет больше в Сайнаволоке, за семь километров, там тоже деревянные дома. Автобус (или фургон) в

Сайнаволок служебный, сначала два раза в день, потом уже четыре. Иногда объявляли субботники по ремонту дороги, зимой тоже не всегда удавалось спуститься с верхней озерной террасы. Приехали домой – топи печку, грейся, готовь ужин, а туалет, извините, тоже внизу и холодный, душа никакого, рукомойник с тазом, вода из проруби опять же ведрами. (Натаскался тогда и воды, и дров, с тех пор это за труд не считаю). Потом появился газ на общей кухне. Так до 60х годов.

Детей мама стала брать в поля рано, мне было 13, когда впервые попал в полевую партию. Восторг неопиcуемый. Базу (в деревне Пеккела на Суоярвской дороге) снимали у очень бедной карелки, вдовы с мальчиком. Спали всей партией в спальных мешках на сеновале. В маршруты ездили на грузовике с открытым кузовом, в котором сидели на навесных скамейках или лежали сверху мягкого скарба: так ездили все, можно и в тогдашних фильмах видеть, никакой крыши или шлемов, весь дождь в морду, но хуже того пыль. В Карелии асфальта после войны практически не было, лучшие дороги – гравийные и довольно ухабистые (немножко ровнее на бывших финских территориях в Приладожье), но многие просто по озерным и зандровым алевропелитам, от которых пыль летит из глубокой колеи как дымовая завеса. В этом качестве особенно помню Пудожский район и дорогу вдоль Водлы. И еще последние 70 километров до Костомукши, тогда города еще не было, а был заброшенный разведочный поселок. Здесь другое: болота, гати, ехали два дня, вытаскивая машину из трясины.

Еще одно удовольствие – комары и мошка, вместе со слепнями и оводами в жару, но это карельскому жителю и сейчас объяснять не надо. Все же мне кажется, что тогда гнус был погуще, чем теперь. Ну, теперь все пожиже. Геологи сначала носили очень неудобные для работы марлевые накомарники на голову. Потом стали давать липкий диметилфталат: очень ядовитая штука, но часа два даже в жару помогает хорошо.

В общем, все это меня приводило в восторг и я выбрал себе такую жизнь, как у родителей.

Итак, где-то с 48 по 56 год в секторе геологии Карельского Филиала шла большая тема – четвертичная геологическая и геоморфологическая карта полумиллионного масштаба для всей Карело - Финской ССР, которая как раз в конце срока стала Карельской АССР. Территорию республики трудно было бы обойти всю, тем более что никаких ГУГЛов не было, да и обычные аэрофотоснимки были плохие и мало доступны. Помогла авиация. Заключение договор, и партию Г.С. стал обслуживать сначала самолет-биплан АН-2, а затем перешли на гидросамолет Ш-2. Изумительный аппарат! Из фанеры. Берет, кроме летчика, двоих пассажиров и/или немножко груза. Отчаливает от пристани, включает мотор и начинает разбегаться по воде. Лучше против ветерка, но не сильного. В штиль с грузом не взлетит. Потом набирает немного высоты и со скоростью почти как авто по нынешнему шоссе идет к цели – какому-нибудь глухому озеру, на которое иначе за неделю не доберешься. Там садится на воду, но тоже надо сначала смотреть, нет ли в воде топляков-бревен, об такое можно легко расшибиться. Подруливаем к берегу, летчик выпрыгивает на камешек, подтягивает самолет за веревочку и привязывает к дереву. Дешево и в общем сердито, потому что скорость для аэровизуальных наблюдений совсем не нужна, а расстояния все небольшие. Можно на высадку, можно и наблюдать сверху.

Г.С. сначала летала, но чувствовала себя от болтанки плохо и позже (с 1954 или 56 г.) передала эти наблюдения Гарри Лаку, который быстро освоил признаки ледниковых форм рельефа, записывал все в журнал, на базе расшифровывал и потом рисовали карту. «Мне сверху видно все, ты так и знай» - тогдашняя очень популярная песенка и у нас звучала довольно часто. Были и самодельные: «...есть у нас машина, самолет! Коля ездит, Лак летает, Шура с Мишей загорают, полевые забраны вперед» - это сочинение Г.С. И правда, многое сверху было видно лучше, чем наземным трудягам из Севзапгеологии. Помню, как ругали тамошнего ведущего четвертичника Апухтина, который где-то принял группу моренных холмов за друмлины. Видали его, - друмлины!

Еще надо сказать, что в поле свободного времени по разным естественным и не очень причинам бывало довольно много и мне тогда как раз приходилось знакомиться с разными полевыми способами его проведения. Напомню, что телевизоров и смартфонов нет, в лучшем случае был радиоприемник и запас книжек почитать. Обычно компания собиралась, как уже помянуто, за картами. Эта напасть была где-то до 80-х годов второй после пьянства. Играли чаще в преферанс. Г.С. обладала хорошей оперативной памятью и выигрывала чаще других. Разумеется, небольшой выигрыш реализовывался почти немедленно, и здесь временами проявлялась первая напасть. Хорошо помню, что «Столичная» бывала редко, «Московская» с зеленым краешком этикетки – много чаще, но приходилось пробовать и местное петрозаводское изделие, которое называли – сучок. Но в общем было весело, песни звучали все громче и все кончалось к общему удовольствию. Здесь можно обратить внимание на то, что автору лет с 14-ти разрешалось находиться за общим столом и ему с разрешения матери наливали. Думаю, что Г.С. была уверена в своем контроле и главным образом в своих генах. Некоторые из участников, впрочем, иногда оказывались нестойки, в таких случаях руководство дисциплиной брал на себя Кауко Оттович Кратц, который ни после которой рюмки не терял самообладания, а в его отсутствие – Галина Сергеевна. У нее удивительно одинаково хорошо получалось командовать геологами, шоферами, механиками и разнорабочими. И еще договориться с самым разным начальством.

Еще Г.С. любила общество интересных людей. В Сайнаволоке бывали и выступали известные в те времена персоны: помню, например, как у нас в чердачной комнате рядом с печкой сидела популярная певица Сиркка Рикка, канадская финка по происхождению, и исполняла репертуар, который на радио не очень приветствовали. Часто заходил Ал. Михайлович Линевский, - это был археолог и историк, истинный интеллигент с печатью дворянского происхождения, который больше всего известен в качестве автора повести «Листы каменной книги». Здесь, впрочем, особой душевной близости не было. Зато она хорошо чувствовала себя среди актеров: особенно помню, уже на кухне городской квартиры, тогдашнюю молодежь из Финского драматического театра. Приходил и Олег Белонучкин, будущий министр культуры республики, рассказывал театральные новости и блестяще исполнял тогдашние диссидентские песни. Филиальский – институтский народ в те годы часто и с успехом развлекал себя самодеятельно, устраивались вечера, для которых Г.С. писала стихи и прочие тексты и пока была моложе, выступала сама. Я тоже участвовал. Она даже отправила один свой рассказ писателю Константину Симонову, которого очень уважала. Симонов был опытный редактор, воспитатель и дипломат. Он подробно написал в ответ, почему ей не стоит тратить время на писательство.

Ну вот, а когда большой труд был закончен, у Г.С. появилась возможность представить его как докторскую диссертацию. Помню, как сидел тогда на полевой базе в Лоухи и разрисовывал карту четвертичных отложений. Сейчас, когда я сам уже почти вдвое старше, вижу, насколько вообще незрелыми бывают доктора 40 лет или моложе, по крайней мере, в нашем геологическом мире. Степень им присуждают, рассчитывая на дальнейшие успехи молодого доктора, если не в науке собственно, так по части научной администрации. Обычно это люди, либо блеснувшие яркой идеей, либо успевшие сделать четко очерченную серьезную работу. Во втором случае как раз с идеями труднее, потому что идеи быстро тупятся и обламываются о фактический материал. «Нет ничего более отвлекающего, чем обнажение» - как сказал один американский литолог. Так вот, помнится, на диссертацию был один кислый или даже отрицательный отзыв, указывающий примерно на это обстоятельство; но защита прошла успешно, был положенный банкет и – началась новая тема.

Теперь это была неотектоника. Нет, не сразу: старики помнят, что около 56 года хрущевские реформы привели к выделению бывших филиальных геологов в отдельный Геологический институт, который был подчинен Министерству геологии и стал, таким образом, отчасти производством. Четвертичники получили задачу на этот раз приземленную: обосновать поиски вольфрама по ореолам рассеяния. Благодаря этому в последний свой приезд к маме в поле я слегка научился мыть шлихи. Шеелита, однако, серьезного не оказалось. Неотектоника в Карелии тоже довольно трудная: надо датировать живые поднятия и депрессии, а реперных уровней мало, все больше озерные террасы, геодезические повторные измерения малочисленны и ненадежны. Определенное продвижение получилось у Толи Лукашова по следам сейсмических событий, которые после дегляциации проявились очень чувствительно и были еще сильными в начале голоцена. К счастью для населения, но не тектонистов, сейчас все спокойно.

Дальше был, наверно, золотой век отечественной геологии. Все старые сотрудники получили казенное жилье в городе и был достроен новый большой корпус Геологического института на Пушкинской. Открылись новые лаборатории. На работу приняли множество молодых людей. Сейчас они образуют самое старшее поколение, которое тоже успело потаскать дрова и воду и понячить детей в Сайнаволоке, а затем обосноваться в городских квартирах с видом на Онежское озеро. Иных уж нет. Многих. А тогда, в 60-е, молодой народ защищал диссертации и брал на себя все больше ответственности. В четвертичной группе института уже успешно действовали Гарри Лак, Н. Н. Горюнова, Э. И. Девятова, А. Д. Лукашов, несколько позже к ним присоединился младший Демидов, Игорь. В 1978 г. Г.С. передала руководство лабораторией А.Д. Лукашову* и перешла на должность научного консультанта. Будучи консультантом, Г.С. оставалась в курсе научной и общественной жизни Института. Писала и редактировала монографии и сборники. Принимала экзамены у географов в Пединституте. Организовывала совещания и экскурсии по Карелии. Охотно командовала молодежью. Впрочем, этот период жизни Г.С. многие помнят лучше меня, поскольку я в это время плотно занялся Тянь-Шанем и уже редко бывал в Петрозаводске.

Она ушла на пенсию довольно рано, осознав, как я понимаю, что лучше рано, чем поздно. Потом вела активный образ жизни домохозяйки в собственном деревенском доме, напомиавшем детство в Сестрорецке: печки, обед, огород, договориться починить забор

и баню, иногда внушка. Непременно с собакой (собачницей была с детства), в компании близких друзей и подруг (две из них даже построили дома и обосновались рядом), она радушно принимала многочисленных гостей**, пекла пироги, вязала, шила. Влезала в поселковые дела, пыталась бороться со строителями, портившими лес и дороги в поселке. Последний период жизни оказался несправедливо тяжелым: сначала инсульт, потом перелом, из-за которого уже невозможно было вставать, а только сидеть и лежать. Теперь досталось уже моей сестре Наташе. Нельзя сказать, что мама совсем не жаловалась, оснований для оптимизма в таком положении не бывает. Но держалась. Нам бы тоже так.

*Г.С. видела в А. Д. Лукашеве достойного преемника. Она высоко ценила его как талантливого геолога, обладающего неординарным мышлением, и любила, как, впрочем, и другие сотрудники, за его высокие душевные качества. *(Примечание Н.С. Бискэ).*

**Круг общения Г.С. был весьма широк: сотрудники, родственники, их дети и знакомые. Многолетняя дружба связывала ее с артистами театра «Творческая мастерская», прежде всего с Е.Ю. Бычковой и О. А. Белонучкиным. Подолгу гостили в Матросах О.П. Минут-Сорохтина (физиолог ПГУ) и Г.А. Елина (болотовед ИБ КНЦ РАН), заезжали кольчане (Северный филиал Географического общества) Б.Н. Кошечкин и Е.Я. Пация с семьей и многие другие. *(Примечание Н.С. Бискэ)*